

ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

СОЧИНЕНИЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

ТОМЪ II.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ.

ЦѢНА ЗА ВСѢ ЧЕТЫРЕ ТОМА СЕМЬ РУБЛЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА.

Современникъ, 1858.

	Стр.
Николай Владиміровичъ Станкевичъ. (Переписка его и біографія, написан- ныя П. В. Анненковымъ) (№ 4)	1
Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью. (Органическое воспитаніе, соч. Шнелля. — Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ, Бока) (№ 5)	22
Френологія, соч. М. Волкова. — Отрывки изъ заграничныхъ писемъ, М. Вол- кова (№ 5)	49
Объ истинности понятій или достовѣрности человѣческихъ знаній, соч. А. Ку- сакова (№ 5)	56
Первые годы царствованія Петра Великаго. (Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Три тома.) Три статьи:	
Статья первая (№ 6)	60
Статья вторая (№ 7)	88
Статья третья (№ 8)	124
Стихотворенія Ю. Жадовской (№ 6)	181
Стихотворенія для дѣтей, соч. Б. Федорова (№ 6)	195
Мишура, комедія А. Потѣхина (№ 8)	198
Московскія элегии, М. Дмитриева (№ 9)	218
Уличные листки (№ 9)	221
Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ. (Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de Gérébtzoff). Двѣ статьи:	
Статья первая (№ 10)	235
Статья вторая (№ 11)	266
О нравственной стихіи въ поэзіи, соч. Ореста Миллера на степень магистра русской словесности (№ 10)	314
Стихотворенія А. Н. Плещеева (№ 10)	325
Буддизмъ, его догматы. исторія и литература, соч. В. Васильева. — Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. Соч. Нила, архіепископа ярославскаго (№ 11)	334
(Статья по поводу стихотвореній г. Розенгейма, напечатанная въ № 11-омъ, очень тѣсно связана съ «Свисткомъ», — въ ней въ первый разъ является Конрадъ Лиліеншвагеръ. Потому она помѣщена въ 4-мъ томѣ, вмѣстѣ съ «Свисткомъ».)	

Пѣсни Беранже. Переводы В. Курочкина (№ 12)	Стр. 347
Уголовное дѣло, комедія.—Вѣднѣй чиновникъ. Сцены изъ жизни чиновника, соч. К. С. Дьяконова (12)	363

Современникъ, 1859.

Литературныя мелочи прошлаго года. Двѣ статьи:

Статья первая (№ 1)	368
Статья вторая (№ 4)	397
Сочиненія А. Бѣшенцова въ прозѣ и стихахъ (№ 1)	430
О русскомъ государственномъ цвѣтѣ. Составилъ А. Языковъ (№ 1)	436
Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго ака- демика и профессора. Часть III (№ 2)	440
(Статья о «разныхъ сочиненіяхъ» С. Аксакова, и статья о книгѣ «Рѣчи и отчетъ, читавныя въ торжественномъ собраніи Московской Практиче- ской Академіи коммерческихъ наукъ», — напечатанныя въ № 2-мъ, по- мѣщена въ 1-мъ томѣ.)	
Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ, А. Лакиера (№ 3)	449
Очерки и рассказы И. Т. Кокорева (№ 3)	471
Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ рассказанная. Новое изданіе, Григорія Книжника (№ 3)	477
Сочиненія В. Бѣлинскаго (№ 4)	481
Впечатлѣнія Украины и Севастополя, А. Муравьева (№ 4)	482
Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи (№ 4)	488
Что такое Обломовщина? (Обломовъ, романъ И. А. Гончарова) (№ 5)	491
Новый кодексъ русской практической мудрости. (Наука жизни, соч. Ефима Дымнава) (№ 6)	527
Исторія Австріи, соч. графа Майлата (№ 6)	541
Основные законы воспитанія, соч. Н. А. Миллеръ-Красовскаго (№ 6)	548
Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства» (№ 6)	555
Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой (№ 6)	560

1858.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ.

(Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. М. 1858).

Еще въ 1846 г., въ біографіи Кольцова, Бѣлинскій писалъ о Станкевичѣ: „это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ къ нимъ людей“. Бѣлинскій самъ принадлежалъ къ числу этихъ близкихъ людей, и уже одного упоминанія его было бы, конечно, достаточно для того, чтобы возбудить въ насъ желаніе узнать покороче личность, внушившую ему такіа строки. Теперь, благодаря біографіи Станкевича, написанной г. Анненковымъ, и еще болѣе перепискѣ, изданной имъ же, это справедливое желаніе можетъ быть удовлетворено. Біографическій очеркъ Станкевича былъ еще раньше напечатанъ г. Анненковымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; теперь онъ изданъ (въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ) отдѣльной книгой, вмѣстѣ съ перепискою Станкевича. Мы не будемъ здѣсь представлять извлеченія изъ фактовъ и мнѣній, находящихся въ книгѣ г. Анненкова: ихъ уже всѣ прочли, конечно, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Мы не хотимъ излагать и содержанія переписки Станкевича, въ которой ясно отражается благородная, открытая, любящая душа его. Нѣтъ сомнѣнія, что большую часть писемъ Станкевича прочтутъ съ удовольствіемъ всѣ, кому дорого развитіе живыхъ идей и чистыхъ стремленій, происшедшее въ нашей литературѣ въ сороковыхъ годахъ и вышедшее преимущественно изъ того кружка, средоточіемъ котораго былъ Станкевичъ. Изданныя письма (большею частію къ Я. М. Н—ву, меньшею—къ Грановскому, и еще къ нѣсколькимъ лицамъ) не составляютъ, конечно, *всей* переписки Станкевича; но уже и изъ нихъ очень ясно видна степень того значенія, какое имѣлъ онъ среди передовыхъ тогдашнихъ дѣателей русской литературы. А это уже достаточно объясняетъ его права на вниманіе

и память образованнаго русскаго общества, которое не мало обязано своимъ развитіемъ русской литературѣ, и особенно критикѣ сороковыхъ годовъ.

Чтеніе переписки Станкевича такъ симпатично дѣйствовало на насъ, намъ такъ отрадно было наблюдать проявленія этого прекраснаго характера; личность писавшаго представлялась намъ, по этимъ письмамъ, такъ обаятельною, что мы считали переписку Станкевича окончательнымъ объясненіемъ и утвержденіемъ его правъ на вниманіе и сочувствіе образованнаго общества. Мы не думали, чтобъ нашлись люди, которые бы остались холодными и безстрастными предъ поэтическимъ обаяніемъ этого юноши и сурово потребовали бы у него еще иныхъ, болѣе осязательныхъ правъ на уваженіе и сочувствіе общества. Но, къ сожалѣнію, нашлись такіе люди и показали намъ возможность строгаго допроса, обращеннаго къ памяти человѣка, о которомъ съ любовью и уваженіемъ вспоминаютъ всѣ, кто только зналъ его. Мы слышали сужденіе о книгѣ, изданной г. Анненковымъ, выраженное въ такомъ тонѣ: „прочитавши ее до конца, надобно опять воротиться къ первой страницѣ, и спросить, вмѣстѣ съ біографомъ Станкевича: чѣмъ же имя этого юноши заслужило право на вниманіе общества и на снисходительное любопытство его?“ Выразившіе такое сужденіе не видѣли въ Станкевичѣ ничего, кромѣ того, что онъ былъ добрый человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе и имѣвшій знакомство съ хорошими людьми, которымъ умѣлъ нравиться: что же за невидаль подобная личность? Мало-ли кто имѣлъ хорошія знакомства!

Значить, все-таки неясно еще значеніе Станкевича, все-таки есть поводы не признавать его права... На это отрицаніе нельзя смотрѣть, какъ на слѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ интересовъ и страстей, подобное тому, что мы видѣли недавно въ униженіи заслугъ Грановскаго. Тамъ говорили воспоминанія друзей разнаго рода; многое сказалось въ жару спора, многое возбуждено было тѣмъ, что противникамъ Грановскаго показались слишкомъ неумѣренными восторги его поклонниковъ. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и не было. О Станкевичѣ пишутъ и разсуждаютъ люди, лично его не знавшіе; споровъ никакихъ не было, даже и восторговъ почти не было. Если бы кто -нибудь сталъ превозносить Станкевича выше мѣры, сталъ бы увѣрять, что онъ былъ главою кружка, что отъ него заимствовано все, что было хорошаго у его друзей; если бы кто нибудь сталъ приписывать великое, міровое значеніе его бесѣдамъ съ друзьями и возводить его въ геніи и благодѣтели человѣчества; тогда, конечно, было бы отчего въ отчаянье прійти и даже, пожалуй, ожесточиться. Но вѣдь этого никто не дѣлаетъ. Говорятъ просто: Станкевичъ былъ человѣкъ очень замѣчательный по своему свѣтлому уму, живой воспріимчивости и симпатичности

своей натурѣ. Его стремленія были возвышенны и идеальны, онъ искалъ все обобщить, во всемъ дойти до идеи, до начала знанія. Вся его молодая жизнь прошла въ мірѣ науки и искусства, которымъ онъ восторженно предавался, въ надеждѣ *приготовить* себя къ полезной дѣятельности. Около него собирался кругъ друзей, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными своею дѣятельностью. Всѣ они вспоминали и вспоминаютъ о немъ съ какой-то благоговѣйной любовью; лучшіе изъ нихъ говорятъ открыто, что многимъ ему обязаны и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Личность такого человѣка не должна быть забыта, хотя бы и для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ могъ онъ дѣйствовать такъ обаятельно на своихъ друзей? Интересъ его біографіи возрастаетъ, когда мы узнаемъ, что это обаяніе не заключалось просто въ мягкости характера и добродушіи, а имѣло гораздо лучшія основанія. Прочитавъ его переписку, узнавъ его жизнь, мы убѣждаемся, что онъ имѣлъ дѣйствительно благотворное значеніе въ кругу своихъ друзей, и что онъ замѣчательнѣе самъ по себѣ, а не потому только, чтобы на него упалъ отблескъ славы кого-нибудь изъ нихъ.

Что тутъ преувеличеннаго? Что изъ этого можетъ отнять у Станкевича тотъ, кто не имѣетъ предъявить фактовъ, противорѣчащихъ заключеніямъ, сейчасъ переданнымъ нами? Кажется, — ничего. Но есть люди, отличающіеся весьма мрачнымъ взглядомъ на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то философской выпренности. У нихъ своя точка зрѣнія на всѣ предметы, и они становятся вопросомъ такимъ образомъ.

„Станкевичъ, говорятъ они, все занимался наукой и искусствомъ: гдѣ же его ученые и литературные труды? Сдѣлалъ-ли онъ хоть одно открытіе въ наукѣ, произвелъ-ли хоть одно художественное *chef-d'oeuvre*. Даже просто, сдѣлалъ-ли онъ хоть что-нибудь для науки? Нѣтъ? Такъ за что же уважать его? Онъ занимался наукой и искусствомъ потому, что находилъ въ нихъ наслажденіе, и это служить для него уже достаточной наградой. Станкевичъ любилъ и изучилъ философію: гдѣ же результаты его изученія? Трудился-ли онъ для передачи другимъ своихъ взглядовъ, образовалъ-ли какую-нибудь школу философіи? Нѣтъ? Такъ что намъ за дѣло до его философскихъ идей! Пусть ихъ остаются его субъективной принадлежностью и не разоблачаются передъ обществомъ: вѣдь онъ изучалъ философію для себя, а не для общества. Если же что и передалъ онъ другимъ, то безсознательно: а безсознательныя дѣйствія не подлежатъ никакому нравственному вѣнненію. Станкевичъ былъ добрый и симпатичный человѣкъ: какъ же это выражалось въ его жизни? Спѣшилъ-ли онъ отыскивать несчастныхъ и помогать имъ, подавалъ-ли нищимъ, дѣлился-ли послѣднимъ съ ниими, какъ это дѣлалъ, наприимѣръ, И. И. Марты-

новъ, переводчикъ греческихъ классиковъ? Объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; въ чемъ же выражалась доброта и высокая нравственность Станкевича? Неужели въ томъ только, что онъ умѣлъ привязать къ себѣ своихъ друзей? Это еще небольшая заслуга. Станкевичъ имѣлъ благородныя и твердыя убѣжденія: какъ же они выразились въ жизни? Страдалъ-ли онъ изъ-за нихъ, жертвовалъ ли имъ своимъ счастьемъ, подвергался ли клятвамъ, брани, огорченіямъ, лишеніямъ въ борьбѣ за свои убѣжденія? Нѣтъ? Такъ что же можетъ заставить насъ уважать его убѣжденія и его самого? Мы видимъ изъ всего, что Станкевичъ не былъ труженикомъ и мученикомъ идеи, а просто былъ эпикурейцемъ, хотя и не въ дурномъ значеніи этого слова. У него не было того качества, которое необходимо для общественнаго дѣятеля, — *самоотверженія*. Что онъ ни дѣлалъ, онъ во всемъ былъ дилеттантомъ и ни въ чемъ не являлся специалистомъ; во всемъ искалъ прежде всего удовлетворенія собственной потребности, собственного стремленія, и не думалъ обрекать себя въ жертву для другихъ. Такой человекъ не имѣетъ правъ на общественное значеніе, какое имѣетъ, напримѣръ, И. И. Мартыновъ. Тотъ менѣе имѣетъ извѣстности, менѣе, можетъ быть, имѣлъ дарованій, чѣмъ Станкевичъ; но его права на благодарность потомства несомнѣнны, именно потому, что онъ всегда жертвовалъ собою для другихъ. Онъ учился — не какъ дилеттантъ, не потому, что его привлекала та или другая книжка, та или другая идея, а потому всего болѣе, что хотѣлъ оправдать ожиданія и надежды своего начальника и благодѣтеля. Онъ занимался литературой, но не для собственного удовольствія, не по какому-нибудь безотчетному влеченію сердца, а съ сознательнымъ желаніемъ принести пользу согражданамъ, и главное, потому, что, — по собственному его выраженію, — литература была близка ему, „какъ чиновнику министерства просвѣщенія“. Слѣдовательно — занятія литературныя были для него не удовольствіемъ, не забавой, а трудомъ, пожертвованіемъ, службою. Кромѣ того, онъ былъ и на дѣйствительной службѣ, а въ частной жизни полезенъ былъ тѣмъ, что помогалъ бѣднымъ. Вотъ какія права надобно имѣть на общественное значеніе, а не такія, какія предъявляются за Станкевича. Станкевичъ былъ прекрасный человекъ, но прекрасный для себя, а не для другихъ, не для общества. Онъ никогда не принуждалъ себя, не занимался тѣмъ, къ чему не чувствовалъ сердечнаго влеченія, не налагалъ на себя тяжелыхъ нравственныхъ веригъ, не жертвовалъ своей личностью для пользы общей. Онъ былъ эгоистъ, хотя и въ возвышенномъ смыслѣ. Все, совершенное имъ, было имъ совершено прежде всего *для себя*, а если потомъ и выходила польза для другихъ, то совершенно безъ всякихъ расчетовъ съ его стороны. Люди, развившіеся подъ его вліяніемъ, развились бы и безъ него;

если бы они были неспособны къ развитію сами по себѣ, то и Станкевичъ ничего бы не могъ изъ нихъ сдѣлать: доказательство — то, что онъ не сдѣлалъ великаго поэта изъ Красова, точно такъ же, какъ не могъ всѣхъ своихъ друзей поставить на ту степень умственнаго развитія, до которой дошелъ Вѣлинскій. Нѣтъ,—и образованіе, и идеи германской философіи развились въ нашемъ обществѣ по естественному ходу образованія и развились бы независимо отъ Станкевича, если бы его никогда и не было на свѣтѣ“.

Такой взглядъ не составляетъ исключительной принадлежности нѣсколькихъ лицъ; онъ очень свойственъ многимъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Извѣстно, что вообще о правахъ личности существуютъ два противоположные взгляда, оба ошибочные въ своихъ крайностяхъ. Одинъ, происходя отъ неуваженія къ личности вообще, отъ непониманія правъ cadaго челоѣка, приводитъ къ неумѣренному, безразсудному поклоненію нѣсколькимъ исключительнымъ личностямъ. Такъ, на первой степени развитія невѣжественнаго народа, челоѣкъ, пораженный необычайной силой или ловкостью какого-нибудь дикаго героя, забываетъ и свою личность, и личность своихъ ближнихъ и, вмѣстѣ со всѣми, признаетъ свое полное ничтожество предъ удивительнымъ богатыремъ и его безпредѣльную власть надъ собою. Такъ и въ обществѣ, еще мало свѣдущемъ и образованномъ, замѣчается особенная склонность къ преклоненію передъ всѣмъ, что хоть немножко выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Чуть явится неглупый челоѣкъ, о немъ кричатъ, что онъ геній; чуть выйдетъ недурное стихотвореніе, немедленно провозглашаютъ, что имъ могла бы гордиться всякая литература; чуть обнаружить челоѣкъ кое-какія знанія, къ нему смѣло обращаются съ просьбой о разрѣшеніи всяческихъ вопросовъ, даже неразрѣшимыхъ. И передъ личностью, возбудившей общее благоговѣніе, все падаетъ во прахъ, все говоритъ: „бей меня, топчи, плюй на меня;—я съ радостью все отъ тебя снесу, потому что ты геній, потому что ты герой“ —или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Такіе порывы смѣшны, конечно, и даже возмущаютъ душу, потому что въ нихъ выражается неуваженіе каждой отдѣльной личности къ самой себѣ. Охота къ восхваленію и преклоненію предъ такъ-называемыми *избранниками* судьбы, геніальными натурами — заслуживаетъ, конечно, обличенія и противодѣйствія. Такъ и было въ нашей литературѣ, когда послѣ необдуманнаго восхищенія фантазіями Кукольника, Тимоѣева, послѣ благоговѣйнаго трепета предъ авторитетами Хераскова, Державина, и проч., явилась строгая критика, рѣшившаяся основательно опредѣлить мѣру ихъ достоинства. Начала, принятыя этой критикой, утвердились и доселѣ дѣйствуютъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Но многіе изъ избранныхъ людей

пустились теперь въ другую крайность: въ уничтоженіе вообще личностей. Важно общее теченіе дѣлѣ, говорятъ они, важно развитіе народа и человечества, а не развитіе отдѣльныхъ личностей. Если личность занималась какой-нибудь спеціальностью и сдѣлала открытія, то объ этихъ открытіяхъ можно еще говорить, потому что они способствуютъ общему ходу развитія человечества. Но личность сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія, и мы не должны обращать на нее вниманія. Такое разсужденіе показываетъ, по нашему мнѣнію, только неумѣнье обращаться съ общими философскими положеніями, когда дѣло коснется примѣненія ихъ къ частнымъ случаямъ. Конечно, ходъ развитія человечества не измѣняется отъ личностей. Въ исторіи прогресса цѣлаго человечества не имѣютъ особеннаго значенія не только Станкевичи, но и Бѣлинскіе, и не только Бѣлинскіе, но и Байроны и Гёте; не будь ихъ—то, что сдѣлано ими, сдѣлали бы другіе. Не потому извѣстное направленіе является въ извѣстную эпоху, что такой-то гений принесъ его откуда-то съ другой планеты, а потому гений выражаетъ извѣстное направленіе, что элементы его уже выработались въ обществѣ и только выразились и осуществились въ одной личности болѣе, чѣмъ въ другихъ. Слѣдовательно, въ сферѣ отвлеченной мысли, можно сколько угодно уничтожать личности, имѣя дѣло только съ идеями. Но не столь справедливо будетъ въ частныхъ случаяхъ, въ примѣненіяхъ къ дѣйствительной жизни, говорить, что такая-то и такая-то личность не заслуживаетъ уваженія, потому что черезъ 25 лѣтъ о ней останется одно воспоминаніе, а черезъ 250—и того не будетъ. Подобное смѣшеніе общихъ теоретическихъ положеній съ точкой зрѣнія дѣйствительности можетъ повести къ весьма забавнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Я, напримѣръ, знаю, что движеніе народонаселенія въ человечествѣ, и даже въ Россіи, и даже въ Н—ской губерніи вовсе не измѣнилось оттого, что въ городѣ Н. есть прекрасный докторъ, вылѣчившій многихъ трудно больныхъ. Но, между тѣмъ, я самъ живу въ городѣ Н., безпрестанно слышу благодарныя воспоминанія о немъ отъ людей, имъ вылѣченныхъ, и нахожу, что его уважаютъ даже люди, никогда не бывшіе больными. Неужели я поступлю справедливо и благоразумно, если начну всѣмъ этимъ людямъ доказывать, что докторъ не заслуживаетъ ни благодарности, ни уваженія, потому что человечество отъ него не выиграло, вылѣчилъ онъ немногихъ, да и тѣ, которыхъ вылѣчилъ, все-таки умрутъ же, и черезъ 50—60 лѣтъ ничего не останется отъ его дѣятельности? Кажется, въ этомъ случаѣ я былъ бы столько же насправедливъ, какъ и въ томъ, если бы я сталъ утверждать, что вопросъ объ увеличеніи народонаселенія на всемъ земномъ шарѣ рѣшительно зависитъ отъ дѣятельности доктора, живущаго въ городѣ Н.

Но на Станкевича, кромѣ его незначительности въ исторіи человѣчества, взводятъ еще другое обвиненіе, которое еще болѣе характеристично для нашего образованнаго общества и которое мы, поэтому, намѣрены разсмотрѣть подробнѣе. Говорятъ, что Станкевичъ не былъ труженикомъ, спеціалистомъ, что онъ не имѣлъ самоотверженія, и потому не имѣетъ правъ на значеніе общественное. Недавно мы слышали, какъ многіе голоса повторяли то же самое по поводу Грановскаго, доказывая, что онъ былъ не ученый, а артистъ. Теперь раздаются тѣ же возгласы противъ Станкевича. Отчего это? Причины этого, кажется, нельзя искать въ однихъ личныхъ пристрастіяхъ; должно быть какое-нибудь основаніе, болѣе глубокое. Основаніе это должно заключаться въ самомъ взглядѣ на жизнь, который какъ-то составилъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не такъ давно, одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ писателей высказалъ прямо этотъ взглядъ, сказавши, что цѣль жизни не есть наслажденіе, а напротивъ, есть вѣчный трудъ, вѣчная жертва, что мы должны постоянно принуждать себя, противодействуя своимъ желаніямъ, вслѣдствіе требованій нравственнаго долга. Въ этомъ взглядѣ есть сторона очень похвальная, именно—уваженіе къ требованіямъ нравственнаго долга. Но, съ другой стороны, взглядъ этотъ крайне печаленъ, потому что потребности человѣческой природы онъ прямо признаетъ противными требованіямъ долга; и, слѣдовательно, принимающіе такой взглядъ признаются въ своей крайней испорченности и нравственной негодности. Это, кажется, ясно, и на основаніи этого взгляда не трудно рѣшить вопросъ о нравственномъ достоинствѣ Станкевича въ двухъ словахъ. Если жизнь должна быть рядомъ лишеній и страданій въ силу вѣднѣй долга, такъ это вѣдь потому, что наши собственныя стремленія не сходятся съ требованіями долга. Слѣдовательно, не переносить такихъ лишеній и страданій—или тотъ, кто совсѣмъ не хочетъ знать вѣднѣй долга и предается своимъ дурнымъ, безнравственнымъ наклонностямъ, или тотъ, у кого собственныя стремленія не отдаляются отъ нравственныхъ требованій. Теперь спрашивается: къ которому изъ этихъ двухъ разрядовъ отнести Станкевича? Никто не скажетъ, чтобъ онъ былъ дурнымъ человѣкомъ; слѣдовательно, отсутствіе страданій, внутренней борьбы и всякихъ душевныхъ мукъ происходило въ немъ просто отъ гармоніи его существа съ требованіями чистой нравственности. Надъ нимъ не имѣли силы грязныя побужденія, мелочные расчеты, двоедушныя отношенія; оттого во всемъ существѣ его, во всей его жизни замѣчается ясность и безмятежность, безъ раздвоенія съ самими собой, безъ насилуванія естественныхъ стремленій.

Насъ плѣняетъ въ Станкевичѣ именно это постоянное согласіе съ самимъ собою, это спокойствіе и простота всѣхъ его дѣйствій. По всей вѣроятности, эти качества весьма сильно привлекали къ нему и друзей его.

Изъ переписки Станкевича мы видимъ, что только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, для соблюденія свѣтскаго приличія, онъ принуждалъ себя къ скрытности и даже невинной лжи. Съ друзьями и этого, конечно, никогда не было. Станкевичъ занимался тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, и говорилъ о своихъ занятіяхъ съ увлеченіемъ. Ни въ поступкахъ, ни въ мысляхъ своихъ онъ не видѣлъ ничего предосудительнаго и потому охотно передавалъ своимъ друзьямъ всѣ случаи своей жизни, всѣ свои мечты и планы. Всѣ его письма дышатъ полной, беззавѣтной откровенностью. А извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ простая, дружеская откровенность на молодое, благородное сердце. Друзья Станкевича могли быть увѣрены, что онъ не станетъ имъ льстить, не скроетъ своего мнѣнія, не побоялся дать прямой, хотя бы и непріятный совѣтъ. У него не было этой малодушной совѣстливости, которая такъ часто заставляетъ насъ *щадить* людей, къ намъ близкихъ, изъ опасенія огорчить ихъ. Боязнь эта происходитъ у насъ, конечно, отъ недостатка довѣрія къ людямъ, даже близкимъ къ намъ, и отъ желанія удержать ихъ расположеніе. А между тѣмъ, мы все-таки выразимъ свое мнѣніе, свое неудовольствіе, — какимъ-нибудь косвеннымъ намекомъ, скажемъ его другимъ, — оно какъ-нибудь дойдетъ до нашего друга, и прежнее довѣріе между нами неизбежно рухнетъ. У Станкевича не было подобной недовѣрчивости; онъ очень просто и спокойно говоритъ своимъ друзьямъ, одному: „зачѣмъ ты свои силы тратишь на пустяки“? — другому: „что ты не учишься по-нѣмецки. это тебѣ необходимо“; — третьему: „зачѣмъ ты расхваливаешь глупую книгу?“ — четвертому: „мнѣ жаль, что болѣзнь тебя разслабила, и что ты теперь ничего не сдѣлаешь для людей“. Подобныя замѣчанія кажутся очень легкими и естественными въ дружескихъ отношеніяхъ: но, право, не часто встрѣчаются друзья, которые могли бы даже такія вещи говорить прямо и просто. А между тѣмъ, какъ много неодолимаго обаянія заключается въ этой ясной искренности, основанной на взаимномъ довѣрії и уваженіи. Если она является въ человѣкѣ вслѣдствіе суровости характера, закаленной въ борьбѣ и опытѣ жизни, то она принимаетъ, по этому самому, нѣкоторый видъ грубости и брюзгливости, не всегда нравящейся, особенно самолюбивымъ людямъ. Но даже и эта стойческая, холодная искренность имѣетъ какую-то особенную силу и прелесть и сообщаетъ большое вліяніе на окружающихъ тому, кто ею обладаетъ. Тѣмъ сильнѣе было, конечно, обаяніе личности Станкевича, соединявшаго съ простотою и искренностью необыкновенную мягкость характера, силу чувства и способность увлекаться всѣмъ прекраснымъ.

Впрочемъ, не подумайте, что мы хотимъ выставить Станкевича идеальнымъ совершенствомъ. Совсѣмъ нѣтъ; мы вовсе не хотимъ утверждать, что онъ сталъ въ своей жизни выше всѣхъ сомнѣній и противорѣчій, что вну-

тренная гармонія его существа никогда и ничѣмъ не нарушалась. И у него были минуты тяжелыхъ думъ, горькаго недовольства собою, вслѣдствіе неудовлетворенныхъ стремленій и неумѣнья слиться душою съ нѣкоторыми требованіями долга. Такъ, будучи еще двадцати одного года, онъ писалъ: „я не могу сказать, чтобъ я дѣйствовалъ противъ долга, но, кажется, я слишкомъ много давалъ воли эгоизму, и отъ этого былъ всегда недоволенъ собою. *Неискренность* — вотъ что еще мучило меня: das Schein у меня часто противоположно dem Sein (особенно въ обществѣ), хотя и не изъ дурныхъ видовъ; а это даетъ дурное направленіе и рождаетъ опять недовольство самимъ собою“ (стр. 89). Кто хочетъ видѣть во всемъ мрачную сторону, тотъ можетъ найти въ признаніи Станкевича подтвержденіе той мысли, что онъ былъ эгоистъ безъ твердаго характера. Но мы, напротивъ, видимъ въ этихъ словахъ, какъ высоки были требованія Станкевича отъ самого себя, какъ тяжелы были для него даже малѣйшія-уклоненія отъ сознанаго имъ долга. Онъ недоволенъ собою даже за то, что въ обществѣ не всегда можетъ казаться тѣмъ, что онъ есть; онъ упрекаетъ себя въ эгоизмъ; а между тѣмъ видно по всему, что Станкевичъ менѣе всего могъ быть лицеи́тромъ и грубымъ эгоистомъ. Его доброе сердце не понимало себялюбиваго своекорыстія, не умѣло быть счастливымъ безъ другихъ. Въ одномъ письмѣ къ Н — ву онъ говоритъ, что внутреннее блаженство заключается въ самоотверженіи. Слѣдовательно, онъ понималъ самоотверженіе какъ удовлетвореніе потребности сердца, а не какъ формальное исполненіе какого-то внѣшняго, суроваго предписанія. Вообще, намъ кажется, что взглядъ на жизнь какъ на тяжелый, исполненный горестей, насильственный подвигъ, — взглядъ этотъ весьма высоко цѣнить формальную, внѣшнюю сторону дѣла. У насъ очень часто превозносятъ добродѣтельнаго человека тѣмъ восторженіемъ, чѣмъ болѣе онъ принуждаетъ себя къ добродѣтели. Но, по нашему мнѣнію, — холодные послѣдователи добродѣтели, исполняющіе предписанія долга только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувствовали любовь къ добру, — такіе люди не совѣмъ достойны пламенныхъ восхваленій. Эти люди жалки сами по себѣ. Ихъ чувства постоянно представляютъ имъ счастье не въ исполненіи долга, а въ нарушеніи его; но они жертвуютъ своимъ благомъ, какъ они его понимаютъ, отвлеченному принципу, который принимаютъ безъ внутренняго, сердечнаго участія. Поэтому они всегда несчастны отъ своей добродѣтели, жалуются на свои многотрудные подвиги и часто оканчиваютъ тѣмъ, что ожесточаются противъ всего на свѣтѣ. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ на очень низкой ступени: они не въ состояніи возвыситься до того, чтобы ощутить въ себѣ самихъ требованія долга и предаться имъ всѣмъ существомъ своимъ; они должны непремѣнно имѣть на себѣ какую-нибудь узду,

чтобы обуздывать себя. Неужели же ихъ, только за то, что они трудятся надъ собою, можно поставить выше людей, которымъ этотъ трудъ не нуженъ? Неужели нравственное достоинство человѣка, чувствующаго сильное поползновеніе красть, но пересиливающего себя потому, что кража запрещена закономъ,—выше нравственности того, у кого не рождается даже и мысли о присвоеніи чужого, уже не вслѣдствіе запрещенія закона, а просто по внутреннему отвращенію отъ кражи? Кажется, не того можно назвать человѣкомъ истинно-нравственнымъ, кто только терпитъ надъ собою вѣдѣнія долга, какъ какое-то тяжелое иго, какъ „нравственныя вериги“, а именно того, кто заботится слить требованія долга съ потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внутреннимъ процессомъ самосознанія и саморазвитія, такъ, чтобы они не только сдѣлались инстинктивно-необходимыми, но и составляли внутреннее наслажденіе. Къ такому состоянію приближался или стремился Станкевичъ въ большей части своихъ поступковъ, и за это онъ достоинъ нашего уваженія, а не упрековъ.

Скажутъ, что въ подобномъ направленіи выражается очень сильно собственный эгоизмъ человѣка, и этому эгоизму какъ будто подчиняются всѣ другія, высшія чувствованія. Но мы спросимъ: кто же когда-нибудь могъ освободиться отъ дѣйствія эгоизма, и какое наше дѣйствіе не имѣетъ эгоизма своимъ главнымъ источникомъ? Мы всѣ ищемъ себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребностямъ, стараемся добиться счастья. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это счастье. Есть, конечно, грубые эгоисты, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое счастье въ грубыхъ наслажденіяхъ чувственности, въ униженіи предъ собою другихъ и т. п. Но вѣдь есть эгоизмъ другого рода. Отецъ, радующійся успѣхамъ своихъ дѣтей,—тоже эгоистъ; гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ,—тоже эгоистъ: вѣдь все-таки онъ, именно онъ самъ чувствуетъ удовольствіе при этомъ, вѣдь онъ не отрекся отъ себя, радуясь радости другихъ. Даже если человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ, и тогда эгоизмъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленные на прихоть: это значить, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а потому только, что слѣдуетъ предписанію долга? Въ этомъ случаѣ эгоизмъ скрывается глубже, потому что тутъ уже дѣйствіе—не свободное, а принужденное; но и здѣсь все-таки есть эгоизмъ. Почему-нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга своему собственному влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви, есть страхъ. Онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собою наказаніе или какія-

нибудь другія неприятыя послѣдствія; за исполненіе же онъ надѣется на-
грады, доброй славы и т. п. При внимательномъ разсмотрѣніи и окажется,
что побужденіемъ дѣйствій формально-добродѣтельнаго человѣка служилъ
эгоизмъ очень мелкій, называемый проще тщеславіемъ, малодушіемъ, и т. п.
Право, хвалить за это нечего.

Въ жизни Станкевича есть, впрочемъ, одна сторона, подающая мрачно-
практическимъ людямъ сильное оружіе противъ него и подобныхъ ему
личностей. „Онъ не зналъ упорнаго труда, не былъ въ борьбѣ съ препят-
ствіями и ничего не сдѣлалъ“. Вотъ что говорятъ о немъ, и изъ этого
выводятъ, что онъ по слабости характера и эпикурейскимъ наклонностямъ
своимъ и не могъ ничего сдѣлать. Отвѣчать на это довольно мудро, такъ
какъ вообще мудро говорить о томъ, что бы было, кабы не то было, что
было. Но все-таки мы склоняемся скорѣе къ тому убѣжденію, что Стан-
кевичъ способенъ былъ совершить много хорошаго: вспомнимъ, что онъ
умеръ всего двадцати-семи лѣтъ. Приписать ему слабость характера нѣтъ
никакихъ основаній. Онъ не былъ вѣтренъ, занятія его искусствами, исто-
ріей, потомъ философіей и исторіей шли ровно и послѣдовательно; въ мнѣ-
ніяхъ своихъ онъ постоянно былъ независимъ, какъ видно изъ отношеній
его къ друзьямъ. Правда, что онъ не высказывался во внѣшней дѣятель-
ности такъ обильно, какъ нѣкоторые другіе; но у него это было не вслѣд-
ствіе безпечности или безсилія. Онъ много разъ въ своихъ письмахъ гово-
ритъ о томъ, что къ плодотворной дѣятельности надобно хорошо приго-
товиться, и затѣмъ высказываетъ свои планы. Въ одномъ письмѣ онъ вы-
сказываетъ какъ бы программу своей дѣятельности. „Надобно или *дѣлать*
добро,—говоритъ онъ,—или *приготавливать себя* къ дѣланію добра, со-
вершенствоваться въ нравственномъ отношеніи, и потомъ, чтобы доб-
рыя намѣренія не остались безъ плода, совершенствоваться въ умствен-
номъ отношеніи“. И эти слова не были пустой фразой: Станкевичъ испол-
нялъ на дѣлѣ свои предположенія, наблюдалъ за своимъ нравственнымъ
совершенствованіемъ и учился. Въ этомъ періодѣ дѣятельности и заклю-
чалась его жизнь, слишкомъ рано прекратившаяся. Борьбы за свои идеи
и тяжелыхъ столкновеній съ невѣжествомъ и неблагородствомъ онъ не ис-
пыталъ; но стоитъ-ли жалѣть объ этомъ и можетъ-ли это уменьшить сте-
пень нашего уваженія къ личности? Можетъ-ли это уничтожить значеніе
того нравственнаго развитія, какое выражается, напримѣръ, въ одномъ
письмѣ Станкевича къ Грановскому, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ:
„болѣе простора ему, болѣе любви сердцу — и всѣ эти сомнѣнія: какъ мнѣ
быть? что мнѣ дѣлать? что изъ меня выйдетъ?—пойдутъ къ чоргу. Въ
самомъ дѣлѣ, чтобы истина не пугала, надобно быть чище душою. Скажи
человѣку, закоренѣлому въ эгоизмъ: „ты—ничто!—вотъ до какой мысли